

Благородный уход

"Давным-давно, боли в животе называли "ростками малодушия". Это потому, что они появлялись внезапно и делали человека неподвижным."

Хагакурэ

"Самооборона - это шутка," сказал Даррен, стоя в раздевалке, обернутым махровым полотенцем, перед его стремительным уходом на вечернюю работу.

"Что ты имеешь в виду?" спросил я.

"Все это искусственно, весь тот набор шаблонов, которые, однако, не бывают в реальных схватках. Они подходят к таким дракам, как та, которая была перед похоронами Канчо. Я лишь расслабился до конца на том парне и душил его. Это было айкидо, только будучи в состоянии переместить мой вес тяжести вниз я смог сделать это. Но, если вы спросите меня, я могу вам рассказать, что такие техники, как "санкадзэ против крепкого захвата" или "ирими-нагэ против переднего удара ногой", довольно академичны.

Все это потому, что мы занимались, не используя в тренировках таких вещей как удар головой, или обман, или атаки виска локтем, всех вероятных движений, которые были обычными в реальном столкновении. Так как мы должны были заботиться друг о друге, мы должны были придумать способы защиты, которые выглядели бы реальными и весьма эффективными, но нападающий при этом не был бы травмирован, фактически точно так же как в кино.

Это притворство затронуло Бена и меня. В глубине нашего угла додзэ мы отрабатывали бесконечные варианты защиты от переднего удара ногой, удара сбоку или от атаки с двойным захватом пояса. Мы работали в медленном режиме и ускорялись только тогда, когда доводили движения до совершенства. Если кто-либо размахивается для удара в голову, вы можете нырнуть под удар и скрутить руку назад к себе. Если удар слишком быстр, вы можете заблокировать его, ладонью разбивая челюсть нападающего. Либо, как третий вариант, захватить движущуюся руку нападающего и используйте ее как рычаг, чтобы бросить парня через ваше плечо.

У нас был перечень приблизительно двадцати возможных атак и мы должны были иметь в запасе три или четыре техники защиты от каждой из атак. Если вы продолжали выполнять одну и ту же технику для каждой атаки во время теста, экзаменуемый учитель не останавливал ваш тест, в котором ваш партнер должен был неоднократно атаковать вас, пока вы не придумывали какую-либо другую технику.

Некоторые из атак были весьма необычными и присущими только для Японии, например двойной захват пояса спереди, который применялся еще в довоенные года, когда оби (пояс) был заметной частью вашего платья, так как фиксировал ваше кимоно. На кимоно нет никаких петель и завязок, поэтому было заманчиво захватить пояс, но такой форме атаки на Западе нет никакого аналога.

Чида, как и большинство старших сэнсэй, считал самооборону немного смехотворной. Они интересовались принципами, абстрактными тайнами человеческого тела, которые могут быть изучены и постигнуты только через "чисты" тренировки айкидо. Конечно, в любой ситуации "самозащиты", эти же самые сэнсэй были бы смертоносными, именно потому, как они могли приспособить их принципы к любой среде, используя пепельницу вместо кулака или палочки для еды из твердого пластика вместо ножа. Как и Канчо в Шанхае они предпочитали вырабатывать интуитивную реакцию на агрессивную ситуацию, но не серию заученных движений. Как говорил Чида: "Вы не можете планировать схватку." Как это не парадоксально, иногда, выглядящие обманчиво, упражнения и техники для отработки принципов, более полезны в конечном счете, чем более реалистичные встречные движения на спланированную атаку. Упражнения айкидо позволяют использовать полную силу в управляемом сценарии. Запланированная атака должна быть выполняться не в полную силу, потому как иначе техники становятся слишком опасными.

Но Чида нравилось видеть изобретательность. Если он видел повторяющуюся технику защиты, то он рассказывал о его методе обучения полицейских – если полицейских продолжал выполнять одну и ту же технику защиты, он заменял его партнера на своего учи-деши, которому приказывал нападать искренне. Это означало, что все связки ударов ногами и руками достигали цели. Чида имитировал полицейского, держась в мучении за истекающий кровью нос и ушибленные яички. Затем он выпрямлялся. "Омоширои нэ?" ("Забавно, не правда ли?")

Чино, как теперь я понял, был своего рода как беспощадный школьник, который любил чтобы мы отрабатывали техники самозащиты в кругу, в "кругу ничтожества", как называл его Уилл. Один человек становился в середину этого круга, будучи окруженным пятью партнерами, и каждый по очереди нападал на стоящего посередине, используя одну и ту же атаку, названую Чино, или, что было наиболее забавно для Чино, с полностью импровизированной атакой.

Были быстро согласованы определенные обязательные правила: мягкий толчок локтем по ребрам означал, что нападающий должен отступить, иначе, если он этого не сделает, когда наступит его очередь быть в центре круга он получит, как напоминание, жесткий удар локтем. Как обычно Крэйг играл по своим собственным правилам, комментируя хрипло свои нападения: "Я приближаюсь. Я захватываю тебя здесь. Что ты будешь делать? Атакуй в одну точку! Теперь ты захватил меня. Тогда я сделаю вот это. Нападай на другую точку!"

Адама раздражало это. Во время одного занятия, когда Крэйг был жестко зафиксирован внизу и не имел никакой возможности сопротивляться, он, как обычно, советовал атаковать одну точку. Адам выкрикнул: "Нет никаких чертовых свободных точек для нападения!" К счастью для Адама Чино, который вел тогда занятие, решительно не понимал английские ругательства или пропускал их мимо ушей в целом. Когда он просматривал груды порновидео, импортированного из США для полицейских, он был даже не в состоянии заметить одно из названий Chino Sucks Cock (Чино сосет член).

Другой составляющей этой части курса было обучение умению преподавать. Каждому выдали "синюю книгу", которая была прямым переводом японского руководства базовых движений Ёшинкан. Нам было сказано выучить эту книгу.

Тест на обучение состоял из объяснения, будто классу новичков, затем совершенное исполнение техники в течении пяти минут. Сначала это казалось чрезвычайно трудным для претворения в жизнь, точно так же как синхронный показ казался весьма трудным. Но мы неоднократно практиковались и достаточно уверенно все мы учились совершенно оценивать предоставленную пятиминутную демонстрацию, сопровождаемую объяснительной речью.

Причудливо было то, что обучение проходило на смешанных японском и английском языках. Поскольку наше предназначение было быть инструкторами за границей, фактический язык инструктора был английским. Рэм хотел обучать на иврите, что не было позволено, поэтому эта часть курса, как оказалось, была одной из самых трудных для него. Но начальная и завершающая части обучения должны были быть на японском языке.

Обучение осуществлялось типично японским способом. Вы становились в пару с вашим партнером и по очереди "преподавали" установленную технику. Потому как каждый обучал одной и той же технике это вызывало мешанину повышающихся голосов, так как каждый "преподаватель" стремился чтобы внимание не было отвлечено его соседом. Это все было совершенно механически и весьма далеко от самых современных идей "хорошего обучения", о которых вы знаете.

Фактически, требованием додзё были компетентные преподаватели, которые будут обучать базе одинаково. И это было сутью. Если же вы, в дополнение ко всему, могли бы фактически учить, то это проявилось бы когда вы начали бы руководить учебными группами самостоятельно.

Все настоящие учителя вырабатывали свой стиль обучения, который был далек от базовых инструкций. Это было вероятно. Стиль Чида был гномичен. Его роль, казалось, была в том чтобы унизить каждого. Он демонстрировал материал, который никто не мог когда-либо сделать кроме него самого, и когда мы делали попытки повторить его технику он тихо смеялся над нашими усилиями. Стиль Андо, наоборот, был полностью понятен. У него был талант разложить технику на шаги так, чтобы любой мог понять и выучить ее. Оямада выбрал путь повторения, одна и та же техника час за часом, выполняемая вами, изнывающими от скуки, что в конечном счете учило вас чему-то новому. Мастерд был вдохновителем, он никогда не вдавался в подробности при объяснении, однако имел редкое умение

вынуждать вас действовать с большими усилиями. Шиода заставлял вас работать на скорости, его стиль был противоположностью мягкого сверхгибкого подхода Чиды. Специальность Чино был подход с одной единственной попыткой, которую вы никогда не забудете.

Чино становился все более и более дружественным, поскольку курс близился к концу. Большинство японских сэнсэй кроме Чиды, который оставался прежним, начали смягчаться в это время. Иностранцы учителя, за исключением Даррена, этого не допускали. Иногда чувствовалось, как иностранные учителя были полны решимости тем, что мы должны забыть плохие воспоминания о курсе, и означало лишь, что все это действительно серьезно. Японцы были более легкосердечными. Для них айкидо было делом всей жизни и если они были слишком чувствительны, то это не длилось очень долго.

Как раз в то самое время, когда все начали изнывать от нестерпимой скуки, связанной с обучением в неприятной атмосфере и с ярко выраженной неприязнью от необходимости непрерывно нападать друг на друга, Чино объявил занятие с прямыми и боковыми ударами кулаком. Все мы имели возможность ударить его кулаком десять раз по его незащищенному животу настолько сильно, сколь это было возможно.

Мы построились, хихикая скептически, в линию, тогда как Чино стал перед нами. Первые несколько человек ударили его весьма обходительно, но это не было тем, что он хотел от нас. Он тренировал себя самого столько же, сколько и нас и он хотел, чтобы мы били его абсолютно искренне в полную силу. С каждым из всех ударов, которые летели в него, он либо незначительно приближался и бросал поддерживая бьющую руку, либо отступал позволяя партнеру сильно вытягиваться. Дерзкие (Рэм и Малыш Ник) вдобавок получали стремительный боковой удар в челюсть или ладонь в нос.

После прямых ударов он стал перед нами и скомандовал атаковать боковыми ударами, которые начал блокировать своим стальным предплечьем. Мы не могли поверить своей удаче. После того, как нас в течении года избивали наши учителя мы могли теперь так же побить его. И он позволяет нам нападать в два подхода, таким образом получалось двадцать самых жестких ударов от каждого. Я заметил в конце, что у него сбилось дыхание. Это было впервые, когда я видел как Чино потерял своё ледяное самообладание. Даже во время землетрясения он продолжал преподавать, как будто ничего необычного не происходило. Он стоял в центре зала и мы сидя на коленях слушали его. Он подробно рассказывал о какой-то технике когда додзё начало трясти. Складные стулья падали и начал думать о том, как бы поскорее выбраться отсюда. Все нервно оглядывались, но Чино был непоколебим и даже не обмолвился ни единым словом ни во время ни после землетрясения.

Однажды, выходя из додзё, я встретил Шерлока, который приехал попрощаться. Его направляли на дипломатическую работу в финское посольство.

Я был рад его видеть и мы пошли выпить в бар недалеко от станции. Я заметил, что его зубы все еще были в плохом состоянии. Он сам сказал мне о них.

"Я собираюсь установить коронки," сказал он, "тогда я смогу заполучить себе девушку."

Мы затронули тему иностранцев, назначающих свидание японским девушкам. Шерлок был непреклонен: "Это не правильно! Нет достаточного количества девушек, покинутых японскими мужчинами!"

Я подумал, что он шутит, как обычно, но он был абсолютно серьезен. Его друзья в полиции также рассказали ему о недавней поездке Адама на Мобильном Раковом Корпусе. Он был остановлен за то, что гонял на мотоцикле без шлема и когда его проверили на алкоголь, то обнаружили предельную дозу алкоголя в крови. Нам было велено не использовать наше удостоверение Ёшинкан для оправдания перед полицией, но Адам был отчаянным парнем. Он стал весело болтать со все более и более дружественным полицейским о своих друзьях в полиции. Он упомянул все имена, которые только смог вспомнить: Ханзаи, Маэда "горилла", что вызвало смех, Сайто Мурояма, Фуджи. В конце концов их беседа перетекла в обычное знакомство. Дорожный полицейский состоял в школе полиции вместе с Шимода, так же известным как Одурманенный. Его отношение к Адаму теперь полностью изменилось, он пожелал ему всего хорошего и посоветовал ему ехать аккуратней, скорее из беспокойства за него нежели из властных побуждений. "Удачи," сказал он ему по-английски, скрывшись в облаке черного дыма от Ракового Корпуса.

Шерлоку казалось это забавным. Японские полицейские не похожи на английских. В английской полиции виновен каждый. (Как говорил Мастерд сидя со своей чашкой, "Я должен говорить Полу время от времени: "Прекрати допрашивать меня, я не подозреваемый".") Японская полиция больше похожа на армию. Она не видит своей обязанностью моральное опекунство, но видит себя как автогрейдер общего облика мира. Конечно они лучше сплочены с обществом, чем западная полиция. И они не кажутся обремененными этим ненавистным желанием указывать каждому что делать.

Я спросил Шерлока применял ли он все же что либо из своего айкидо. Он посмотрел на меня так, будто я был безумным и сымитировал как он достает свой пистолет из кобуры и стреляет в девицу в баре. Он шутил, но под его шуткой крылась современная действительность самообороны. Современный Самурай имеет в арсенале 17-зарядный автоматический пистолет Glock, а не весьма хитроумное знание болевых точек на теле.

Айкидо, в действительности, не способ самозащиты, оно не реально, это путь самосовершенствования, однако его методы несовершенны и боль необходима, чтобы сделать все это реальным. Как объяснял Тессю: "Сначала вы учитесь принимать боль. Затем вы учитесь причинять ее. Наконец вы становитесь дружны с болью. Смерть больше не пугает вас, потому что не принимая боль во внимание жизнь и смерть не имеют более никакой власти над вами." Он пририсовал там череп:

Отбросьте смерть
И вы будете чувствовать
Только счастье
Уподобитесь мертвецу
И вы будете чувствовать
Себя хуже чем труп.

На утро когда должен был состояться заключительный тест Уилл работал с Мальшом Ником, самым опытным в дзю вадза из всего потока сэншусей. Это выглядело жалким, потому как у него не было возможности соответствовать проходимому в тот день тесту. "Я дам прикурить этому маленькому ублюдку," сказал он мне, что позже и сделал.

Я также одержал свою маленькую победу. Я выполнил айкидо второй раз в жизни, все остальное время я лишь обучался. У меня было понимание и свои крупные достижения, но кроме этих двух случаев я не совершил волшебство, не сделал ничего захватывающего, удивительного, примечательного, что убедило бы людей в том, что вы владеете "реальной силой". Айкидо в этом смысле близко к идеалу, когда приложенная в приеме сила несоразмерна эффекту, тогда как прекрасный выбор времени и техники увеличивает силу воздействия невероятно.

Первый раз это случилось когда я отрабатывал свободную форму тенчи-нагэ, бросок, который выполняется за счет изначального разбалансирования вашего партнера. Я тренировался с Толстым Фрэнком и он захватил мои запястья со всей своей силой борца экс-чемпиона. Почти рассеяно я сделал технику и он рухнул на пол словно мешок картошки. Он был столь же потрясен как и я и заподозрил какую то грязную игру, тайную уловку, которой я научился сбивать его с ног. "Я лишь сделал все правильно," сказал я.

Второй раз подобное произошло перед тестом. Мастерд велел нам делать техники, стоя на одной ноге. Рэм напал на меня в то время, как я был обеспокоен лишь сохранением равновесия, я не выставил руку вперед, чтобы войти в атаку, и бросил его, будучи уже почти уверенным что слишком поздно. Я был почти уверен что сообразил запоздало, но выбор времени был великолепен и Рэм шлепнулся на мат, потрясенный и веселый.

Я выполнил чистое айкидо дважды и я стоял на пороге заключительного теста. Этот тест, которыми я уже к тому времени был сыт по горло, хотя боли в животе причиняют больше беспокойства, чем последний тест, должен был состоять из базовых движений, трех базовых техник (конечно никаких проблем, всего лишь трех из ста пятидесяти возможных), одной серии дзю вадза, самообороны и пятиминутного обучения технике.

В экзаменационную комиссию входил Иноуэ сэнсэй, который был шеф-инструктором полиции, был старше чем Чиды и имел девятый дан, тогда как у Чиды был

восьмой. На их уровне уровень дана был больше знаком почета, нежели уровнем знания базовых методов.

Поскольку тесты проходили весьма долго, нам разрешали покинуть линию в то время, когда предшествующие нам пары сдавали свой тест, чтобы разогреться и размять ноги, которые оставались согнутыми в коленях в течении часа. Бен и я шатались в коридоре, вне главного зала додзё, вместе с Адамом и Денни, которые должны были сдавать свой тест в то же самое время что и мы. Мы слышали как "преподавал" Ага собравшимся учителям свою технику. Его голос повышался все выше и выше по ходу объяснения и к концу техники он тараторил писклявым голосом с невероятной скоростью, словно глотнул гелия.

И вдруг все это случилось. Ито позвал нас. Мы пробежали к нашим местам и все началось. Нервы сдавали. Базовые движения были прерывисты и не плавны, но по крайней мере я мог их сделать в отличии от Крэйга, который все еще спотыкался, перемещая свой вес шаг за шагом. Затем техники. Я делаю одну, Бэн делает одну. Затем я делаю другую и он делает другую. Еще всего одна техника чтобы пройти. Я не мог теперь ничего забыть. Я сделал каждую технику сотню или тысячу раз. Они назвали технику и я был убежден, что никогда ранее не слышал названия этой техники. Ублюдки, думал я. Они сделали это, чтобы проверить меня. Мысленно я начинаю строить картинку техники по словам и начинаю делать ее. Бэн сопротивляется и показывает мне глазами, словно предупреждая меня. Но говорить мы не можем, разговоры во время теста равносильны неудаче. Это означает что вы потеряли контроль. Таким образом я вынуждаю его выполнить что то непонятное, но что тем не менее работает. Но как только я сделал это я понял, что совершил ошибку, это было неправильно. Я терпел неудачу. Конец. И это была та же самая техника, котэ-гаэши из позиции на коленях от двойного захвата за запястья, выполняя которую у меня случился провал в памяти на занятии Чиды. Конец. Я потерпел неудачу.

Тест продолжался и более я не сделал ни единой ошибки, я полностью выложился с обреченным чувством поражения, но не с меньшим беспокойством. Во время теста на самооборону мне неоднократно было велено напасть на Бэна сзади, взяв в замок его шею. Я был столь расшевелен, что фактически побежал, потому как Бэн был под два метра ростом и я фактически должен был прыгнуть на него, чтобы это выглядело реально. Мы никогда не отрабатывали этого прежде, но он справился превосходно, бросив меня на пол и я попутно весьма эффектно театрально пошумел.

Потом настала моя очередь. Легкое задание - обычный захват за запястье. Я вывел с захватом Бэна вниз, с чувством невероятной скорости, и он распластался на полу. Во второй раз я схватил его с меньшим изяществом, немного травмируя его попутно, к тому времени я знал, что зашел слишком далеко с Бэном), но он храбро ринулся вперед. Потом была дзю вадза. Мы старались делать все плавно - нападение, бросок, падение, снова нападение. Я начал задыхаться, но как только я заметил это все было кончено. Поражение, но поражение с честью.

По окончанию теста к нам подошел Пол, усмехаясь, чтобы поздравить нас. У меня не было достаточно благосклонности, чтобы принять его ухмылку. "Я все испортил," сказал я мрачно. Он не симпатизировал мне, вместо этого он лишь пожал плечами. Я знаю как утомительно должно быть поздравлять кого то, кто не имеет достаточно любезности, чтобы принять поздравления, но именно так я поступил. Мы ждали решения Чиды.

Он опустился на колени и огляделся с улыбкой. Он сверился со своим планшетом почесывая свою ладонь. Затем он объявил результат. Крэйг получил свой черный пояс, но все еще должен был проработать свою базу. Уилл прошел. Ага советовали замедлить свои объяснения. Бешенный Пес получил черный пояс второй степени. Он расплылся в довольную улыбку и посмотрел в камеру, которой его жена, Анна Мари, снимала нас с боковых линий. Чиды никак не прокомментировал мою ошибку, он лишь сказал, что я должен лучше выстроить свой голос при обучении и это было все.

Было удивительно, но очевидно я прошел.

Я посмотрел на Уилла. "Мы сделали это. Мы им показали. Мы сделали это."

Денни подошел усмехаясь и пожал мою руку. "Я думаю, что способ которым ты укротил Бэна это Путь для развития, Роб. Путь развития!"

Крис выпустил свой поток критики. "Я думаю, что после всего что я видел сейчас, я дважды подумаю теперь перед тем как напасть на вас, парни," сказал он.

После все отправились в бар чтобы выпить. Я вновь думал о возможности озарения, ослепительной вспышке великого единства или же сомнительной искре малого разнообразия. Я размышлял о словах дзэнского священника, которые он сказал мне, когда я только приехал в Японию: "Некоторые люди переживают одно большое озарение, другие теряются в меньших озарениях." Тессю конечно же пережил большое озарение, 30 марта 1880 года. Он выпил тогда восемнадцать бутылок пива со своим мастером Дзэн и написал стих в ознаменование:

"Долгие года я воспитывал свой дух,
Изучая путь меча,
Противостоя каждому вызову,
Столь стойко, насколько я был способен.
Затем стены, окружающие меня,
Внезапно обрушились на землю.
Словно отражаясь в чистой росе
Мир стал кристально чист.
И теперь пришло полное пробуждение."

Хотя я скорее был склонен больше к малому озарению, я теперь знал, я видел мельком то, о чем говорил старый самурай.

Я хотел расположиться рядом с Мастердом на праздничной вечеринке, что я и сделал. Он сидел рядом с Накано и всякий раз, когда Накано доставал сигарету, Мастерд чиркал своей зажигалкой, чтобы дать тому прикурить. Я пробовал сделать то же самое для Мастерда, но он не ожидал этого, как будто он считал своим долгом делать это для Накано, таким образом я потратил половину всего времени. Я пробовал сказать Мастерду насколько я благодарен ему за то что он вдохновил меня на то чтобы пройти курс. Он сделал некий жест, который делают в Японии когда хотят показать что весьма польщены.

Чида сидел поодаль от нас. Внезапно он повернулся ко мне и впервые обратился ко мне серьезно.

"Иноуэ сэнсэй глядя на вас предположил, что вы практиковали айкидо долгое время. Он сказал, что ваш стиль похож на Ёшинкан в старом стиле. У него есть тесть, который занимается айкидо уже шестьдесят лет, и у него такой же физический тип как и у вас. Так сказал Иноуэ сэнсэй. Он сказал, что это доказывает что человеческие типы одинаковы для любой расы, нет никакого специфического японского стиля."

Он сделал паузу и зажег сигарету. Он курил как и большинство японских мужчин, но не был заядлым курильщиком, это было ничто по сравнению с привычкой Канчо в сотню сигарет в день. Он жестом указал на Бена: "Если Бен бросит айкидо спустя три или четыре года, я не удивлюсь. Он все еще в том возрасте когда может бросить. Но вы будете практиковать в течении тридцати лет. Я уверен в этом."

Затем он махнул сигаретой в сторону Мальша Ника, который выглядел гордо и отчужденно в своем хорошо скроенном костюме. "Совсем как молодой Чино. Точно такой же. Абсолютно."

"Чида любит поливать грязью," сказал Мастерд. Но на сей раз я знал, что он был неправ. Чида был абсолютно серьезен. Это была Япония, где я узнал, что учителя здесь были почти как гуру, чем как кто-либо еще.

Пришло время выступить с речью. Первым Даррен выбрал меня. Я произнес речь и до меня донеслись крики чтобы я прочел стих. Я импровизировал, сочинив грубый лимерик о размере члена Даррена, но стих почти заглушили возрастающие пьяные крики. Бешеный Пес встал и сказал собравшимся, что хочет сделать объявление: он сказал, что он и его жена вскоре должны будут услышать топот крошечных ножек. Она была беременна! Его жена выглядела ошарашенной и закричала протестуя. Случилась путаница криков с поздравлениями. Тогда Анна Мари ринулась прочь с вечеринки. Это было неправдой, Бешеный Пес сыграл шутку с ней.

Я подошел к Роланду "Терминатору". "Ты жестокий ублюдок, не так ли?" спросил я его. Он улыбнулся, его отвратительное лицо было милостивым и непроницаемым.

Он ответил: "Но ты окончил курс. Ты сделал это. Я не думал что ты сможешь, но ты сделал это."

Снаружи, на улице, Бешеный Пес начал биться головой не прекращая о хрупкий металлический дорожный знак, который указывал на необходимость уступить дорогу. Он был полон отчаяния из-за своей шутки, которая выставила его жену на посмеище.

"Ник," окликнул его мягко Чида, "Ник".

Большой Ник повернулся и увидел, что его учитель усмехается и качает головой. Сейчас же взволновавшись Бешеный Пес бросился без остановки извиняться.

Вечеринка начала расходиться когда появились планы продолжить в ночном клубе. Учителя должны были вернуться домой к своим женам и семьям. Я видел как Чида спокойно покинул нас. Самый великий практик айкидо в мире вскоре исчез в толпе на станции, став неразличимым в своем темном костюме среди ночных гуляк и конторских служащих, спешащих на поезда. Некоторое время я следил за его передвижением по его коротко подстриженной голове, но потом он ушел, проглоченный толпой спешащих людей.